

Телевизионный рассказ Анни Жирардо начался с площади Вогезов в центре Парижа. Одна из самых старинных площадей города представляет собой прямоугольник из трехэтажных особняков шестнадцатого-семнадцатого веков. В центре — сквер, где высится статуя Людовика XIII. Площадь эта неоднократно являлась местом действия для д'Артаньяна и его дружка — Атоса, Портоса и Арамиса. Только в те времена она называлась Королевская площадь. В годы Великой французской революции короля казнили и площадь, разумеется, переименовали. В это время департамент «Вогезы» не только аккуратно заплатил налоги революционному правительству, но то оказала какую-то дружную услугу якобинцам. Короче, «Вогезы» по-

ощили тем, что присвоили имя департаменту площади. Узнаете родные установки? После реставрации монархии название почему-то сохранилось. Может, было не до этого? На площади жил Виктор Гюго, и в одном из особняков — его музей. И сегодня здесь живут многие деятели культуры.

Пока я рассказывал что-то этнографическое, подбежал парижский полицейский и стал запрещать съемку. Здесь с этим строго. Нам, оказывается, надо было получить разрешение районной мэрии. Пока часть съемочной группы вешала полицейскому на уши лапшу, мы с оператором успели снять мое вступление и, сделав вид, что уходим получать разрешение на съемку, направились в квартиру замечательной актрисы Анни Жирардо...

Эльдар Рязанов: У меня к вам просьба. Вспомните тот светлый период вашей жизни, когда вы встретились с Лукино Висконти...

Анни Жирардо: Начну с начала. Я поступила в театральный институт при «Комеди Франсез». Надо сказать, что после двух лет учебы я не сыграла еще ни одной роли. Именно тогда Жан Кокто предложил мне сыграть в своей пьесе «Пишущая машинка».

В «Комеди Франсез» у меня было амплуа субретки, трагести, хохотушки. Узнав об этом предложении, многие говорили: «Жирардо — субретка. Глупо давать ей драматическую роль». Некоторые так и до сих пор считают. Для меня же работа над этой пьесой стала настоящим событием. Сыграв эту роль, я начала получать массу предложений — в театре и кино. Стала много сниматься.

Это было своего рода открытие. Я снималась с Жаном Габеном. Моя карьера пошла стремительно вверх. И в этот момент администрация «Комеди Франсез» захотела, чтобы я подписала с ними контракт. По этому контракту я двадцать пять лет обязана была работать в этом театре. Вне стен «Комеди Франсез» я должна была бы делать все под псевдонимом. То есть находиться в полном подчинении у художественного совета, который решает, что ты должна играть. Это был самый знаменитый театр, но я отказалась. Вообще-то жизнь артиста такова, что он не знает, что с ним будет на следующий день. Я рисковала. Но тем не менее решила, что только сама буду отвечать за свои успехи и неудачи.

На мой взгляд, я поступила правильно, отказавшись от кабального контракта. Если бы я подписала его, то никогда бы не познакомилась с Лукино Висконти.

Как раз после всей этой истории, после моего дебюта у Кокто мне предложили сыграть в пьесе Уильяма

Гибсона «Двое на качелях». В пьесе всего два действующих лица. Моим партнером был Жан Маре, а режиссером — Лукино Висконти. Не правда ли, это великолепное предложение. Это было просто здорово!

Эльдар Рязанов: А потом Висконти пригласил вас в свою ставшую очень известной картину «Рокко и его братья», где вы замечательно сыграли Надю. После этой ленты вы стали всемирно известной актрисой. И, насколько я помню, вы тогда познакомились с Ренато Сальватори...

Анни Жирардо: Знакомство с Висконти стало для меня настоящим откровением. Он делал в театре сверхъестественные вещи. В то время он уже в течение нескольких лет готовил съемку фильма «Рокко и его братья», подбирал актеров и так далее.

После пьесы «Двое на качелях» я около года была занята в других спектаклях. Однажды Лукино позвонил мне и сказал: «Приезжай в Рим, я тебя жду». Я всю жизнь об этом мечтала — поехать в Италию. Помню, как мама провожала меня в аэропорт. Тогда я открыла для себя Рим. Когда я туда прилетела, то сразу поехала к Лукино Висконти. И меня встретил великолепный мужчина, настоящий сказочный принц, это был Ренато Сальватори. На следующий день я должна была возвращаться в Париж. Я играла в театре, у меня был свободен только один вечер. Целый месяц — никаких известий от Висконти. Но наконец он позвонил и сказал: «Приезжай, ты снимаешься в «Рокко».

Эльдар Рязанов: Не очень приятный вопрос. Режиссеры «новой волны», авангардисты, очень известные и талантливые, такие, как Жан Люк Годар, Ален Рене, Луи Малль, Франсуа Трюффо вас не снимали. Они прошли мимо вас. Почему? Как вы думаете?

Анни Жирардо: Я очень жалею об этом. Не могу это-

го объяснить. Я не стала частью их мира. Они нашли своих муз. Конечно, мне было обидно. Но я не испытывала чувства ревности. Режиссер свободен в выборе своих героев и героинь. Моей «новой волной» стал Клод Лелюш.

Эльдар Рязанов: Я делал программу о Клоде. Он там с такой нежностью рассказывал о вас, признался в том, что у вас был роман во время съемок фильма «Жить, чтобы жить».

Анни Жирардо: Для меня Лелюш — это волшебный принц, который разбудил спящую красавицу. У меня была пауза в кино, я играла в театре в Париже. И в этот момент он предложил мне главную роль в «Жить, чтобы жить» с дивным партнером — Ивом Монтаном.

Эльдар Рязанов: Я видел эту картину лет тридцать назад, но до сих пор помню ваш длинный крупный план в поезде, как будто смотрел вчера. Сыграно было потря-

сающе. Такой крупный план могла сыграть только актриса, которая переживала в это время большую любовь...

Анни Жирардо: Да, конечно. Это очевидно. Принц же не станет просто так будить спящую красавицу, если нет ничего больше. Для меня Клод был как детонатор. Он меня заставил стать такой, какая я есть на самом деле. Что касается эпизода в поезде, то снималось это таким образом: Монтан в купе не было, на верхней полке стоял магнитофон с записью его монолога. Мне не надо было учить текст, я все сыграла молча. По сценарию герой Ива Монтана мне изменил, он в этой сцене становится для меня чужим. А я это прекрасно чувствовала, ибо то же самое переживала в жизни со своим мужем. Мужчины уходят, он ушел, и я очень страдала...

Нет ничего лучше лица, по которому текут слезы. Это своего рода электрический удар. Сцена получилась

вышла замуж и стала жить в Советском Союзе. Но начались сталинские репрессии, муж погиб, и ее, несмотря на то что она была французская подданная, тоже отправили в лагерь. Она вышла на свободу только спустя 20 лет и решила остаться в этой стране, где познала и счастье, и беду.

Анни Жирардо: Когда в восемьдесят девятом году я приехала в Россию, чтобы сниматься у Ахадова, мама уже не очень себя хорошо чувствовала. Вспоминаю, как я каждый день ей звонила (плачет), а в то время нужно было очень долго дозваниваться, и потом нас соединяли, она брала трубку, и я говорила себе: «Господи, сделай так, чтобы я всегда могла дозвониться до мамы». Мама умерла позже. Ахатов приехал в Париж, чтобы доснять кое-какие сцены, и мама скончалась сразу же после его отъезда в Москву...

Вся моя жизнь перевернулась. Потом, через год, я снова приехала в Россию на

В театре «Комеди Франсез» в 50-х у Анни Жирардо было амплуа субретки, трагести, хохотушки... Спустя полвека Жирардо сыграла в скандальном фильме Михая Ханеке «Пианистка — мать героини». Роли, сыгранные в фильмах Франко Росси, Марселя Карне, Лукино Висконти, Клода Лелюша сложились в страшную и прекрасную картину женской души.

ИТАР-ТАСС

Анни ЖИРАРДО:

НЕТ НИЧЕГО ЛУЧШЕ ЛИЦА, ПО КОТОРОМУ ТЕКУТ СЛЕЗЫ

ИТАР-ТАСС

действительно замечательная, несмотря на то, что моим партнером был магнитофон... Лелюш любит пускать актеров в настоящую толпу и снимать тайно, без криков «мотор» и «стоп». Он любит неожиданности. В том же фильме, в сцене, где мы с Монтаном завтракаем, Лелюш попросил меня неожиданно для Ива задать ему вопрос, которого не было в тексте сцены: «Скажи, ты обманывал меня уже?». Я спросила. Монтан обалдел. Он не понял: фильм это или жизнь? Речь идет о Симоне Синьоре? Он испугался, не знал, что сказать. В таких подходах весь Лелюш...

В фильме Валерия Ахадова «Рубль» Анни Жирардо сыграла французскую пианистку, которая полюбила русского,

премьеру фильма. Приехала вместе с дочерью, и она была просто поражена тем приемом, который мне оказывали здесь.

Эльдар Рязанов: Что такое, по-вашему, счастье?

Анни Жирардо: Счастье так хрупко. Надо стараться быть счастливым. <...>

Нужно быть легким человеком и уходить надо налегке. Моя мать говорила мне: к смерти нужно готовиться довольно долгое время. Нужно привыкнуть к этой мысли. Самое тяжелое в смерти — это переход. Надо помогать этому переходу, чтобы он был более приятным. Есть боль, но надо иметь прозрачную душу, отбросить всяческое зло, чтобы не было низости в душе.

В издательстве «Вагриус» готовится к выходу книга Э.А. Рязанова «Эльдар-ТВ». В ней собраны беседы режиссера с Симоной Синьоре, Ануком Эме, Мариной Влади, Жаном Маре, Пьером Ришаром, Михаилом Шемякиным и иными не менее блестящими собеседниками и собеседницами